

Яна Андерс

БОГИНЯ
И
ЗЕЛЁНЫЙ СЫР

Яна Андерс
Богиня и Зеленый сыр

«Пробел-2000»

2009

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус) 6-44

Андерс Я.

Богиня и Зеленый сыр / Я. Андерс — «Пробел-2000», 2009

ISBN 978-5-98604-182-7

«Богиня и Зелёный сыр» – это смешная и грустная история о детстве и взрослении, о первой любви и первых ошибках, о самообмане и разочаровании. Встретив через семнадцать лет свою первую школьную любовь, героиня романа Полина пытается осмыслить своё прошлое, взглянув на него через призму настоящего. Меняется время, в котором живёт Полина, меняется она сама, её восприятие себя и окружающего мира.

УДК 821.161.1

ББК 84 (2Рос=Рус) 6-44

ISBN 978-5-98604-182-7

© Андерс Я., 2009
© Пробел-2000, 2009

Содержание

1	6
2	10
3	12
4	18
5	21
6	22
7	23
8	24
9	26
10	28
11	30
12	32
13	34
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Яна Андерс

Богиня и Зелёный сыр

Посвящается моей маме Алле Степановне Андерс

Tempora mutantur, et nos mutamur in illis (лат.)

Времена меняются, и мы меняемся вместе с ними.

Овидий. Метаморфозы

©Андерс Я.,2009

© «Пробел-2000», 2009

* * *

1

Работа не шла. Вот уже час Олег Лукин сидел перед компьютером, сосредоточенно глядя на экран монитора, а курсор в тексте мигал все на той же строчке. Пепельница на его столе напоминала братскую могилу окурков. Лежащие перед ним листы бумаги, на которых он делал пометки, хранили многочисленные круглые отпечатки чашек чая и кофе, выпитых Олегом за последние несколько дней.

Он переводил этот роман с английского уже третий месяц и от всей души ненавидел его. Сюжет казался ему искусственно-надуманным, характеры – плоскими, диалоги – скучными, стиль – слишком сухим и каким-то канцелярски-обыденным. «Не роман, а какая-то жвачка», – ругался про себя Лукин. Целый час он безрезультатно пытался перевести один и тот же абзац. Вернее, перевести-то он его давно перевёл, но облечь его в какую-то мало-мальски удобоваримую языковую форму ему не удавалось, и поэтому абзац этот до сих пор представлял собой не художественный перевод, а подстрочник.

Олег Лукин был переводчиком-фрилансером, то есть не являлся постоянным сотрудником в какой-то одной организации, а работал по договору в нескольких местах сразу. В издательстве он переводил с английского художественную литературу, в переводческом агентстве – контракты и документы, его часто приглашали из крупных компаний переводить на переговорах, выставках и конференциях. Иногда звонили с телевидения и заказывали перевод фильма или телепередачи. Лет десять назад Олег хватался за любые заказы, и, совершенно не умея планировать своё время, работал ночами и в выходные, чтобы успеть сдать работу в срок. Постепенно он научился ценить время и стал обращаться с ним бережнее, поэтому брал не все заказы, а только те, которые в состоянии был выполнить вовремя и никогда не бросал обещаний на ветер. За десять лет своей переводческой карьеры он заработал репутацию высококвалифицированного и надежного переводчика, обладающего обширным словарным запасом в различных областях бизнеса, юриспруденции и международных отношений.

Олег вышел на кухню, налил себе ещё кофе, заглянул в холодильник, прикидывая, чем бы перекусить, но тут зазвонил телефон.

– Привет, – сказала Оксана. – Ты куда пропал?

– Ты извини, Ксюш, у меня работы много. Срок сдачи на носу, – привычно соврал Олег. Это было его дежурное оправдание.

– Тут новый фильм вышел с Антонио Бандерасом в главной роли, только я забыла, как называется. Давай сходим, а?

Антонио Бандерас не вызывал у Олега такого же аппетита, как у Оксаны, но Олегу не хотелось её расстраивать, поэтому он сказал:

– Ладно, давай сходим. А когда?

– Ну можно, например, завтра вечером.

– Хорошо, я тебе завтра позвоню.

– Отлично! Я буду ждать, – произнесла она с придыханием.

– Чмок-чмок!

Четвертый месяц тянулся его вялотекущий роман с Оксаной, продавщицей из книжного магазина, где он часто покупал словари и книги по теории перевода. Их роман напоминал электрокардиограмму безупречно здорового человека: ровная прямая линия с регулярными ритмичными всплесками постельных фейерверков.

План их свидания был известен Олегу заранее. Всё произойдёт как всегда.

Обычно они ужинали в ресторане, иногда ходили в кино, где в тёмном зале Олег гладил ее колено и щекотал языком мочку ее уха. Оксанка хихикала, Олега это возбуждало. После кино он, как всегда, лукаво спрашивал:

– Ну, кого мы сначала провожаем домой: тебя или меня?

– Тебя, – обычно говорила Оксана, потому что у Олега была отдельная квартира, а Оксана жила с родителями. При этом у нее в глазах загорался плотоядный огонек.

Олег вёз ее к себе домой, где они час бурно и разнообразно проводили в постели. Оксана была в сексе неутомима и безотказна, как вечный двигатель, энергия из нее просто била ключом. Она была на редкость изобретательна, обожала экспериментировать и была готова выполнить в постели любые фигуры высшего пилотажа, на которые Олег был способен далеко не всегда. Поздно вечером, утомленный и довольный собой, Олег отвозил ее домой. Оксана никогда не оставалась у него ночевать. У нее были строгие родители, которые, очевидно, до сих пор считали свою дочь девственницей, в чём она предпочитала их не разубеждать.

Олег познакомился с Оксаной сразу после развода с женой. В начале марта он забрёл в книжный магазин на Садовом кольце в поисках очередного словаря американизмов, которого ему недоставало для перевода статьи одного американского журналиста. Словарей у Олега было великое множество, и у каждого было свое назначение. Все они аккуратно стояли на полках и, как редкие узкопрофильные специалисты, терпеливо дожидались, когда же Олегу понадобятся их знания в области деловой переписки, юридической лексики или медицинских терминов.

Народу в магазине было мало. Девушка за прилавком стоя читала книгу, низко наклонив голову. Ее прямые, вытравленные до светло-желтого цвета волосы падали ей на лицо, как копна соломы.

– Скажите пожалуйста, у вас есть словарь Кацнера?

– Немецкий? – девушка подняла от книги глаза.

На вид ей было года двадцать три, но ее пухлые, ярко накрашенные губы придавали ее лицу выражение усталой искушенности.

– Нет, англо-русский и русско-английский, – снисходительно уточнил Лукин.

– Сейчас посмотрю, – сказала она и куда-то пошла, слегка виляя бедрами, как будто чувствовала спиной, что за ней сзади кто-то наблюдает.

Через минуту она вернулась, в руках у нее была книга в мягкой красной обложке.

– Этот? – спросила она.

– Да, этот, – просиял Лукин и ему почему-то захотелось, чтобы она улыбнулась ему в ответ. Но лицо продавщицы оставалось серьёзно-непроницаемым.

– Будете брать? – равнодушным тоном спросила она.

Олег кивнул. Она закрыла книгу, которую читала, и подошла к кассе. Олег покосился на синюю обложку её книги, показавшуюся ему знакомой. Он заплатил за словарь и решил из спортивного интереса продолжить разговор:

– А что вы читаете? – спросил он в надежде на то, что под обложкой окажется один из переведенных Олегом романов. Тогда он мог бы с гордостью ткнуть пальцем в несколько слов напечатанных мелким шрифтом на первой странице, чтобы она благоговейно прочла: «Перевод с английского О. Лукина».

– Ги де Мопассан, «Милый друг», – ответила она.

«Осечка», – подумал Лукин. С французского он не переводил.

– Ну и как?

– Интересно, – так же неулыбчиво ответила она.

– Интересно, а вы когда-нибудь улыбаетесь? – нахально спросил Олег.

Она удивленно посмотрела на него и ее малиновые губы вдруг расплылись в неожиданно широкой сочной улыбке, обнажив два ряда идеально ровных перламутровых зубов.

– О-о-о! Такие улыбки я видел только в Париже! – удачно вставил Олег.

– А вы были в Париже? – спросила она уже с интересом глядя на Олега.

– Был. А вы?

– Нет, к сожалению, – покачала она соломенной головой.

– Я вижу, вы любите французскую литературу, – тонко заметил Лукин.

– Ну... в общем, да... – неуверенно ответила она, из чего Олег заключил, что ее познания в области французской литературы сводятся к прочтению нескольких романов Ги де Мопассана.

– В таком случае, у нас с вами много общего, – продолжал наступление Олег. – А французская кухня вам нравится?

– Ну вообще-то я французскую кухню плохо знаю, – смутилась она.

– В таком случае, мы с вами просто обязаны побывать во французском ресторане, – подытожил Лукин. – Как вы на это смотрите?

– Положительно, – снова улыбнулась она во весь рот.

– Отлично, – обрадовался Лукин такой быстрой победе. – Вы во сколько сегодня заканчиваете работать?

– В восемь.

– Тогда я ровно в восемь часов буду ждать вас у входа.

– Договорились.

Олег вышел из магазина и только тут сообразил, что даже не спросил, как ее зовут. До восьми оставалось еще целых два часа. Как убить эти два часа, Олег себе не представлял. «И черт меня дернул назначить ей свидание в такое неподходящее время. Да ну её, – подумал Олег, заводя машину. – Поеду-ка я лучше домой, у меня работы невпроворот». Он свернул с Садового кольца направо и поехал в сторону дома. Но тут ему в голову пришла мысль, что если он не придет на свидание, то потом, каждый раз заходя в этот магазин, будет встречать за прилавком ту же продавщицу и мучиться угрызениями совести из-за того, что ни за что ни про что «продинамил» доверчивую девушку. При этом продавщица будет стыдливо отводить глаза, и оба они станут старательно делать вид, что никогда не встречались. От подобной перспективы Олега замутило. «А она вообще-то ничего. Немного полновата, но это ей даже идёт», – подумал Олег, развернулся и поехал обратно. Рядом с магазином было небольшое интернет-кафе. Лукин припарковал возле него машину и все оставшиеся два часа просидел в этом кафе за компьютером, бесцельно изучая в Интернете котировки акций различных компаний и потягивая черный кофе. Ровно в восемь часов он подъехал ко входу в книжный магазин. Из магазина вышла девушка, которую он узнал только по соломенным волосам, потому что за те два часа, что они не виделись, она успела густо накраситься и переодеться. На лице у неё было столько косметики, как будто она уронила лицо в коробку с гримом. От нее сильно пахло какими-то сладкими духами.

– Кстати, меня зовут Олег, – сказал он, когда они сели в машину.

– Оксана, – протянула она ему руку. Рука была горячая и чуть влажная.

* * *

Поговорив с Оксаной, Олег положил трубку, вышел на балкон и закурил. Был тёплый августовский вечер. Обычно в это время дня во дворе играли дети, но сейчас ни в песочнице, ни на качелях никого не было. Олег любил работать, сидя у открытого окна, ему нравилось слышать детские голоса, доносящиеся с улицы. Но летом детей увозили на дачи и в летние лагеря, двор без них пустел и казался каким-то заброшенным. Только две бабульки, как незыб-

лемые стражи порядка, сидели на лавочке, провожая входивших и выходивших из подъезда жильцов строгими рентгеновскими взглядами.

Олег вернулся в комнату и снова сел за письменный стол. Он выдвинул верхний ящик стола и достал из него фотографию. Молодая женщина на фотографии сидела с маленьким мальчиком на ступеньках деревянного дома. Их босые ноги утопали в траве. На женщине была длинная летняя юбка, мальчик был в шортах. Женщина улыбалась, слегка склонив голову к плечу. Олег долго всматривался в ее черты: копна медно-золотых волос, лучистые зеленые глаза, детские губы. Олег прикоснулся пальцами к ее лицу на матовом снимке. БОГИНЯ. Это имя дал ей он. Она не была красавицей в общепринятом смысле этого слова. Но весь её облик излучал свет, напоминающий солнце, просвечивающее сквозь верхушки деревьев. Лесное, неяркое, застенчивое солнце, ускользающее, зыбкое, играющее узором света и тени при каждом порыве ветра.

Ему всё время хотелось смотреть на неё, смотреть, не отрываясь, шурясь из-под ладони, чтобы свет не слепил глаза. Ему казалось, что он физически ощущает тепло, исходящее от нее. Тепло солнца, припекающего тебя на земляничной поляне.

2

Богиня открыла глаза и выключила дребезжащий будильник. На часах было половина седьмого. Шторы в спальне были темные, и свет в комнату почти не проникал. Она полежала ещё какое-то время с закрытыми глазами, собираясь встать, готовясь начать новый день, полный суеты, спешки, детских требовательных криков («Не буду это есть!», «Не надену эти ботинки!»), ворчания мужа, который без конца теряет свои вещи и никогда сам их не может найти («Да где же, черт возьми, мои ключи от машины?»), постоянного страха опоздать и постоянных опозданий на работу (несмотря на замечания начальника «Ну что у вас опять случилось?»), бесконечного потока электронной почты, телефонных звонков, совещаний, поглядываний на часы («Успею ли я забрать Сашку из детского сада?»), стояния в пробке на Садовом кольце («Вот дура, надо было по набережной ехать!») и нервного напряжения в теле, которое не спадало даже к концу этой бешеной гонки, когда она, наконец, обессиленная, снова падала в эту постель.

– Полина, ты вставать собираешься? – услышала она голос мужа. – Кстати, ты не знаешь, где мои часы?

Она не ответила. Медленно сползла с постели и побрела в ванную. Часы Игоря лежали там на туалетном столике. Полина принесла ему часы.

– Спасибо, малыш! – обрадовался Игорь.

– Оставь мне машину. Сегодня моя очередь, – напомнила ему Полина. Машина у них в семье была одна, и пользовались они ею по очереди.

– Ладно. Всё, я побежал! До вечера, малыш! – Игорь поцеловал ее в лоб (чего она терпеть не могла!) и скрылся за дверью.

– Ключи? Бумажник? Мобильный? – прокричала она ему вслед.

Игорь остановился на секунду на лестнице, хлопая себя по всем карманам:

– Есть! Есть! – как солдат рапортовал он. – Нет, подожди, телефон забыл!

Полина принесла ему телефон и наконец закрыла за Игорем дверь.

– Что, опять манная каша?! – возмутился шестилетний Сашка. – Не буду!

– Нет, это не каша, это овсяные хлопья, – сказала Полина и поставила на стол перед сыном тарелку.

– Всё равно не хочу! – отпарировал Сашка.

– Ну и не ешь, – ответила она и пошла умываться.

Полина посмотрела на себя в зеркало. С утра она себе не нравилась: бледное лицо, всклоченные волосы, припухшие глаза, блеклые губы. Она придирчиво вгляделась в своё отражение. «Как только заканчиваешь бороться с прыщами, тут же начинаешь бороться с морщинами, – подумала Богиня. – Жизнь – это вечная борьба!».

Вьющиеся волосы Полины были какого-то неопределенно-ржавого цвета и больше всего напоминали медную проволоку. Причесать их было совершенно невозможно, они лезли во все стороны, не лежали, вставали дыбом, поэтому Полина либо стягивала их узлом на затылке (и про себя называла эту причёску «Праведница»), либо оставляла в художественном беспорядке (и эта причёска у нее называлась «Лохмуша»).

Пока Сашка нехотя пережевывал овсяные хлопья (он все-таки понял, что сопротивляться бесполезно и что другого ему ничего не предложат), Полина, стоя лицом к окну и приоткрыв рот, с помощью нехитрых косметических средств набросала основные черты лица.

– Шаша, ты зуы ачистил? – напомнила она, обводя помадой губы. «Защити меня от моих желаний», – всплыл в голове рекламный лозунг губной помады.

Пока ребенок чистил зубы, она наконец решила, что ей надеть на работу: белую рубашку и голубые джинсы. Эра костюмов и пиджаков давно прошла, считала Полина. То, во что оде-

вались теперь сотрудники рекламного агентства, где работала Богиня, было стильно и удобно. От молодых людей в костюмах и галстуках, пытающихся заговорить с ней на улице, Полина шарахалась: «Да отстаньте вы от меня со своим Гербалайфом!», «Нет, меня не интересует ваша распродажа!».

– Саша, ты оделся? Поехали!

Она надела мягкие кожаные туфли на небольшом каблучке. Обувь она всегда носила на невысоком устойчивом каблучке не потому, что не любила высокий каблук. Напротив, она обожала туфли на высоких каблуках и даже на шпильке, но чувствовала себя в них как-то неуверенно и шатко, постоянно возвращаясь мыслями к этим каблукам и думая только о том, как бы ей не подвернуть ногу и не рухнуть с них прямо на улице. В туфлях же на небольшом широком каблучке Полина чувствовала себя уверенно, забывая о том, какая обувь на ней надета, и походка её становилась лёгкой и свободной. «Обувь, которая не напоминает о себе, – пожалуй, неплохой рекламный лозунг», – подумала на ходу Полина. Они спустились на лифте с пятого этажа и сели в машину: Полина – за руль, а Саша на детское сиденье сзади. «Пристегнись!» – скомандовала Богиня и включила зажигание.

3

Пружинистой, подпрыгивающей походкой Богиня шла по коридору рекламного агентства «Паруса». Уже третий год Полина работала в этом агентстве менеджером по промоакциям. Агентство существовало уже десять лет и постоянно расширялось, обрастая новыми клиентами и нанимая всё новых сотрудников. Когда Полина пришла работать в «Паруса», в агентстве было всего тридцать пять человек. Сейчас, спустя три года, число сотрудников перевалило за шестьдесят. Полине нравилось знать всех, с кем она работала, и быть всеми узнаваемой. Она неуютно чувствовала себя, если с кем-то из новых сотрудников не была знакома. В холле агентства висел лозунг: «Рекламное агентство «Паруса» – это попутный ветер вашего бизнеса!», который сотрудники между собой переиначили на свой лад: «Рекламное агентство «Паруса» – это тихая гавань вашего бизнеса!».

У Полины было два начальника. Один – генеральный, другой – непосредственный. Генеральный директор агентства «Паруса» Николай Петрович Войценовский и непосредственный начальник Полины, директор по маркетингу, Пётр Николаевич Полуэктов, являли собой «единство и борьбу противоположностей» во плоти, так сказать, «два в одном». Стиль руководства двух начальников разительно отличался один от другого: Войценовский был конституционным демократом, Полуэктов же олицетворял собой тоталитарный режим. Как в таких условиях агентству удавалось расти и развиваться – для Полины оставалось загадкой. Оба шефа были приблизительно одного возраста, и тому и другому было около пятидесяти, но Войценовский выглядел максимум на сорок, а Полуэктову можно было дать и все шестьдесят.

Николай Петрович Войценовский был вечно молод, как вечнозелёная ель. Высокий, стремительный, подтянутый он обычно быстро шёл по коридору, встряхивая своей густой пшеничной шевелюрой, на ходу здороваясь, улыбаясь, обмениваясь рукопожатиями, оставляя за собой легкий аромат одеколона «Dolce & Gabbana». Полина однажды видела в офисе его жену и дочь: обе они были такие же высокие, стройные, светловолосые, как Николай Петрович, как будто все трое были сделаны из одного и того же теста. Николай Петрович свободно говорил на трёх языках, отлично играл в теннис и увлекался автогонками и верховой ездой. Войценовский постоянно передвигался в пространстве и большую часть времени находился в свободном полёте: он путешествовал по миру, посещал всевозможные международные конференции, презентации, торговые выставки, проводил переговоры с зарубежными партнёрами. Полине казалось, что Николай Петрович наглядно иллюстрирует собой физический эффект теории относительности Эйнштейна, заключающийся в том, что с точки зрения наблюдателя, все физические процессы в движущейся относительно него системе отсчёта проходят медленнее. В то время как на земле пролетал месяц, для Войценовского, находящегося в авиаперелетах большую часть своего времени, проходила только неделя. Время, а соответственно и старение организма, в полёте замедлялось. Войценовский не старел. Иногда, как правило, после очередной поездки, Полина с изумлением замечала, что генеральный директор неожиданно помолодел. Из командировок Войценовский или Венценосный, как ласково называли его между собой сотрудники, всегда прилетал свежий, весёлый, полный энергии. Любил, остановившись в коридоре с кем-то из сотрудников, рассказать новый анекдот или поделиться своими впечатлениями от посещения буддийского храма, горнолыжного курорта в Альпах или поездки на остров Пасхи.

Непосредственный начальник Полины, Пётр Николаевич Полуэктов, был ниже ростом и значительно тяжелее своего ровесника. Полуэктов был генератором идей, мозгом компании. Идеи зрели в его голове подолгу, как яблоки на яблоне и, созрев наконец окончательно, спелые и наливные, неожиданно падали к ногам. Он мог вынашивать очередной проект месяцами, по кубикам выстраивая в своей голове всевозможные комбинации, продумывая различные ходы и выходы пока, наконец, не просыпался ночью от внезапно пришедшего к нему во сне реше-

ния. В такие минуты он, пытаясь не разбудить спящую жену, вскакивал с кровати и, шаркая тапочками, спешил записать свои мысли на бумаге или садился за компьютер и начинал быстро производить какие-то расчёты, пытаясь понять, насколько выгодно будет вложение денег в задуманный им проект. Полуэктов страдал избыточным весом, у него нередко шалило сердце. Он плохо переносил жару: у него поднималось давление, при ходьбе появлялась отдышка, кровь прилиwała к лицу. В пространстве Пётр Николаевич передвигался мало, обычно целый день сидел насупленный в своём кабинете: планировал бюджет, писал бизнес-планы и отчёты. Характер у него был упрямый, несговорчивый. Переубедить его в чём-то было невозможно. Полина подозревала, что по гороскопу он – Бык. За его упрямство сотрудники между собой называли его Полубесов.

Пётр Николаевич ценил Полину за её деловую энергию и творческие способности, и Полина это знала. Время от времени, когда у Полины появлялись интересные идеи по поводу новой рекламной кампании, она приходила к Полуэктову изложить свои предложения. Начальник обычно какое-то время слушал молча, шумно вдыхая и выдыхая воздух. При этом лицо его выражало напряжённую работу мысли, в голове подсчитывались цифры: расходы, доходы, прибыль. И, вдруг округлив глаза и приложив мокрый платок к потной лысине, он, как будто бы неожиданно прозрев, восклицал: «Да на хрен нам всё это надо?» Полина огорченно вздыхала, а Полуэктов пытался её урезонить: «Ну ты пойми, умница, мы эти деньги не отобьём всё равно!». Полина, расстроенная, уходила ни с чем. Полуэктов был прав, у Полины в школе было плохо с математикой.

Сегодня Полина снова наблюдала в офисе картину «Явление Христа народу»: Войценовский приехал из командировки. Как всегда, свежий, загорелый, помолодевший, он шел по коридору, сопровождаемый приветствиями и восклицаниями сотрудников. Полина озадаченно смотрела на него и в голове её опять всплыл вопрос, который она не раз себе задавала: «Интересно, а чем же конкретно он в компании занимается?» У Полины создавалось впечатление, что в рабочие обязанности генерального директора входит одаривание окружающих ослепительными улыбками, пожимание рук и похлопывания по плечу, – в общем, всё, в чём заключалась его работа – это осчастливить окружающих своим присутствием. Говоря о нём, хотелось перейти на более возвышенный стиль речи. Вместо «распорядился» так и тянуло сказать «милостиво повелевать соизволил», вместо «запретил» – «наложил высочайшее вето», а простое «спасибо» заменить на «покорнейше благодарю». Полина иногда представляла, как замечательно он смотрелся бы на экране телевизора: высокий, улыбающийся, машущий своим согражданам с трапа самолёта или с трибуны мавзолея.

Рабочее место Полины находилось в комнате, которую в офисе называли «аквариум» из-за стеклянной стены, отгораживающей эту комнату от коридора. В этой комнате вместе с Полиной сидели ещё трое: менеджер по наружной рекламе Вася Остроухов, менеджер по связям с общественностью Светлана Семивёрстова и дизайнер Эдуард Айвазов.

– Доброе утро, – сказала всем Полина, войдя в «аквариум».

– Кому как, – буркнул Эдик и снова с головой ушёл в программу «Фотошоп», висевшую перед ним на экране компьютера. Небритое лицо его отражало горькое осознание несовершенства окружающего мира.

– Чего это он сегодня такой мрачный? – тихонько спросила Полина Васю.

– Офотожопился, – шепотом пояснил Василий.

– А-а-а... – понимающе кивнула Полина.

Казалось, что с помощью программы «Фотошоп» Айвазов осуществляет бегство из реального мира в электронный. Мир компьютерного дизайна, где парил и свободно перемещался Эдик, был гибким, эластичным и всепрощающим. Любое совершенное в нем действие можно было отменить и начать всё с начала. В этом мире можно было сделать двадцать шагов,

прокрутить их назад и вернуться в прошлое. Можно было экспериментировать с цветом и формой, менять фон, размер, палитру, сочетать несочетаемое. Можно было создавать то, чего не бывает в жизни. Единственное, чего нельзя было сделать в этом мире, это вернуть то, что навсегда было стёрто из памяти компьютера.

Айвазов был профессиональным художником и занимался в агентстве оформлением плакатов, рекламных щитов и всевозможной полиграфической продукции. Он обладал внешнею голливудского киноактера и характером ослика Иа-иа из сказки «Винни-Пух». Эдик был высоким худым красавцем с греческим профилем и орлиным взором. Его чёрные волнистые волосы были зачёсаны назад, несколько прядей живописно спадали ему на лоб. В его тёмных глазах читались скептицизм и меланхолия, лёгкая небритость на щеках придавала его образу мрачную загадочность. Эдик был хронически недоволен собой, окружающими и всем миром. Его мрачная ирония и ядовитый сарказм были известны всему агентству. Полина никак не могла понять, каким образом такая демоническая внешность, вызывающая обильное слюноотделение у всей женской половины агентства, может сочетаться с вялым и унылым характером Эдика. Айвазов был одним из немногих курящих сотрудников в агентстве. Эдик курил так, как будто целью его жизни было к сорока годам полностью вывести из строя свой организм и повесить себе на шею табличку: «Не подлежит эксплуатации».

Айвазов, которого сотрудники между собой окрестили Айвазовским, считал себя великим непризнанным художником, и всё, что он делал в рекламном агентстве, казалось ему мелким и несущественным по сравнению с его великим призванием. Эдик исповедовал в живописи направление, которое сам он определил как «про-мы-ти-визм». Направление это заключалось в том, что образы, создаваемые Эдиком на картинах, были нечёткими, размытыми, как за мокрым стеклом. Чтобы достичь этого эффекта «промытости», Эдик сначала покрывал холст краской, а потом слегка растирал полотно специальной губкой, чтобы сделать контуры нечеткими и придать изображению размытость. Рассказывая Полине о теории своего «промытивизма», Эдик долго объяснял ей про «художественные мыслеобразы» и «трансформизм сознания», но заметив замешательство на лице Полины, решил упростить объяснение.

– Понимаешь, – сказал Эдик. – Все люди видят окружающий мир по-разному. Твоё восприятие действительности может сильно отличаться от моего. Техника промытивизма даёт возможность зрителям по-разному интерпретировать образы на картине. За мокрым стеклом мир теряет контуры, становится расплывчатым, образы трансформируются. Например, облака, отражённые в реке, на моей картине тебе могут показаться рыбами в воде, а кто-то другой подумает, что это снег. Кроме того, мокрое стекло скрывает несущественные детали и делает основные образы более выпуклыми, оно как бы выделяет главное.

Полина не совсем поняла, почему нельзя нарисовать так, чтобы было всем понятно, где облака, где рыбы, а где снег, но больше не стала приставать с расспросами к великому «промытивисту».

– Полина, ты где была? Полубесов тебя с утра ищет, – сообщил ей потихоньку Вася, рассматривая своё отражение в маленьком зеркальце и проводя рукой по волосам.

– Каюсь, проспала. Сейчас зайду к нему, – ответила она, включая свой компьютер, и, внимательно посмотрев на Васю, добавила, улыбаясь: – Вася, да хватит тебе прихорашиваться! Ты и так хорош, как девушка!

Василий Остроухов, менеджер по наружной рекламе, пришел работать в компанию два года назад. Выглядел Вася всегда безупречно: худой, среднего роста, карие миндалевидные глаза за стеклами очков в модной изящной оправе, тонкие правильные черты лица, стильный «ёжик» на голове, свежевыглаженная рубашка.

Может быть потому, что Вася был младше Полины, а может быть потому, что она знала, что в Москве он живет один, без родителей, Полина часто испытывала необъяснимое желание Васю накормить. Больше всего это напоминало какие-то материнские чувства. Полина часто

приносила в офис пирожки с грибами и с капустой, которые покупала в кафе на углу, и угощала ими Васю. Вася это ценил. Между ними давно установились доверительные, скорее даже заговорщические отношения.

Вася был нетрадиционной сексуальной ориентации. Многие в офисе об этом догадывались, но наверняка знала одна Полина. Она помнила разговор, который состоялся между ней и Васей около года назад:

– Я влюбился, – однажды сказал ей Вася.

– В кого?

– В Алика Гордеева.

– В кого? – не поверила Полина своим ушам.

– Ну Алик, высокий такой блондин из отдела по работе с клиентами.

– А-а-а... – понимающе кивнула Полина. – А он об этом знает?

– Нет пока. А что?

– А может ему больше девушки нравятся?

– Не-е-е-т, – улыбнулся Вася. – У меня гейдар четко улавливает сигналы. Алик – точно наш!

– А что такое «гейдар»? – осторожно поинтересовалась Полина.

– Ну это что-то типа радара в организме, который ловит сигналы. Только настроен он на определение сексуальной ориентации человека, – объяснил Вася. – Меня он еще никогда не подводил.

– Да, жаль, что у меня такого гейдара нет, – грустно сказала Полина и неожиданно вспомнила один эпизод из своей жизни, который произошел с ней очень давно, когда она ещё была студенткой.

В университете ей жутко нравился один парень. Полина много раз видела его в троллейбусе, по пути домой из университета. Они долго переглядывались. Полине нужно было выходить на углу, а он обычно ехал дальше. Потом она встретила его в университете. Оказалось, что зовут его Алексей и что учится он на том же факультете, что и она, но на другом отделении. Они познакомились, стали видеться почти каждый день, болтали между лекциями, ходили в кино. Полина долго не могла понять, почему их отношения буксуют на одном месте, ей даже в голову не пришло, что ему нравятся мальчики, а не девочки. Узнала она об этом намного позже. Алексей свою ориентацию тщательно скрывал. Для Полины было большой неожиданностью то, что Василий своей нетрадиционной ориентации не только не скрывал, но и открыто ей об этом сообщил. «Вероятно, – думала она, – Вася считает, что я заслуживаю его доверия». Полине было это приятно.

– Слышала новость? Орденосица-то наша новое звание получила! – продолжал разговор Вася.

– Кто? – не поняла Полина.

– Семивёрстова, – шепотом уточнил Вася.

Полина с удивлением покосилась на то место, где обычно сидела «орденосица» Светлана Семивёрстова. Вся стена над ее столом была увешана всевозможными почетными грамотами и сертификатами. Именно за это Вася прозвал ее «орденосица».

– Неудивительно. Её бы энергию да в мирных целях! – съязвила Полина.

Сверхъестественная продуктивность менеджера по связям с общественностью Светланы Семивёрстовой внушала Полине благоговейный ужас и вызывала у неё комплекс неполноценности. Орденосица отличалась редкой трудоспособностью, не заметить которую мог только слепо-глухо-немой. Светлана стучала по клавиатуре компьютера, почти не затихая. Она посылая по двадцать электронных сообщений в минуту, одновременно успевая сделать несколько деловых звонков, отправить два-три факса и распечатать парочку таблиц. Время от времени

она обращалась к Полине с каким-то вопросом, и тогда между ними возникал диалог, звучащий приблизительно так:

– Полина, ты уже закончила отчет за прошлый квартал (расписание промоакций, отчет о предыдущей рекламной кампании, план на следующее полугодие, график рекламных роликов – ненужное зачеркнуть)?

– Вообще-то я его только что начала... – мямлила Полина.

Услышав подобный ответ, орденоносца молча оторопело смотрела на Полину, как на врага народа. От этого пронзительно-укоризненного взгляда Полине хотелось провалиться сквозь землю и в голове возникал навязчивый вопрос: «Если я не могу работать с такой же производительностью труда, как у неё, значит со мной что-то не так?».

– Ну почему она может работать с такой скоростью, а я нет? – спросила она как-то у Васи.

– Как почему? – удивился Вася. – Так она же допинг всё время принимает!

– Какой допинг? – не поняла Полина.

– Да она кофе всё время пьёт. Ты разве не замечала? Чашек шесть в день выпивает! Она же постоянно находится в состоянии возбуждения!

– А... теперь понятно, откуда у неё такой прилив энергии! – обрадовалась Полина, испытывая облегчение от того, что наконец нашла простое и логичное объяснение непомерному трудолюбию Семивёрстовой.

Кивнув Васе, Полина пошла к Полуэктову узнать, зачем он её искал.

– Как у нас дела, Пётр Николаевич? – спросила она, зайдя к нему в кабинет.

– Плохо, – устало сказал Полуэктов, вытирая платком лоб.

– Почему?

– Тебя давно не видели.

Она улыбнулась и села около его стола.

– Полина, – сказал Полуэктов, – У меня есть для тебя новый проект.

Полина кивнула. Она уже знала, что речь пойдёт о новом тонизирующем напитке «Гринайс», производимом крупной американской компанией, который рекламное агентство должно было раскрутить.

– Это новый продукт на российском рынке, – объяснял Полуэктов. – Наша задача – наладить психологический контакт с потребителем и сформировать у него положительное отношение к новому напитку. Вот образец.

Полуэктов поставил на стол изящную стеклянную бутылку среднего размера, наполненную прозрачной светло-зелёной жидкостью. На этикетке были нарисованы фрукты: яблоко, виноград, груша. Полина взяла в руки бутылку и прочла на этикетке: «Состав:

сок белого винограда, сок зелёного яблока, грушевый сок, лимонный сок...» Далее следовал целый список других натуральных ингредиентов.

– Хочешь попробовать? – спросил он Полину.

– Хочу! – заинтересовалась она.

Пётр Николаевич достал из ящика письменного стола два низких бокала из толстого стекла, открыл бутылку и налил себе и Полине пенящийся зеленоватый газированный напиток.

– За успех нашего предприятия! – сказал Полуэктов.

Они подняли стаканы и чокнулись, хотя напиток был безалкогольным.

Полина сделала несколько глотков. Напиток был приятно-свежим и кисловато-сладким на вкус. Ей понравилось, она отпила ещё.

Неожиданно в дверь постучали и в комнату заглянула голова Остроухова. Увидев Полину и Полуэктова со стаканами в руках и стоявшую на столе бутылку, которая по форме напоминала пивную, Вася удивлённо заморгал глазами и пролепетал:

– Эээ... Ничего срочного. Я потом зайду.

Очевидно он решил, что Полина и Пётр Николаевич опохмелялись с утра.

– Так вот, – продолжал Полуэктов, полностью игнорируя Васино вторжение. – Поручаю тебе разработать комплекс промоакций, направленных на побуждение потенциального покупателя к совершению первой покупки. Через два месяца выходит новый фильм «Любовь в мегаполисе», в котором мы сделали мощный product placement¹ этого напитка. Там главная героиня фильма всё время заказывает в баре алкогольный коктейль «Гринайс Джин», потому что Гринайс также используют в качестве тоника. Так вот, очень важно, чтобы проведение промоакций совпало по времени с выходом фильма на экран.

– Задачу поняла, – сказала Полина. – У меня уже есть кое-какие идеи по этому поводу.

– Ты сегодня набросай приблизительную схему, мы с тобой её попозже обсудим.

Полуэктов внимательно посмотрел на неё, как будто спрашивая: «Справишься?». Полина улыбнулась ему, что означало: «Не сомневайтесь!».

Она уже поднялась, чтобы идти, но увидела на столе у Полуэктова журнал по маркетингу.

– Пётр Николаевич, а можно я у вас этот журнал утащу почитать?

– Для тебя – всё что угодно! – лукаво отвечивал Полуэктов.

Полина знала, что это была лесть, но ей всё равно было приятно.

– Спасибо! Пойду думать, – сказала Полина и скрылась за дверью.

Полина вышла в коридор и столкнулась с Остроуховым.

– Я ещё даже позавтракать не успел, а вы с Полуэктовым уже выпиваете, – удивлённо заметил Василий.

– А что? «С утра выпил – весь день свободен!» – подмигнула ему Полина.

– Да, Полина... Далёко пойдёшь, если милиция не остановит! – съязвил на ходу Вася.

¹ Product placement (англ.) – Продакт плейсмент, дословный перевод: размещение продукции; скрытая реклама.

4

Когда он впервые увидел её? Лукин не помнил. Память его была отрывочна и представляла собой пунктирную линию: тут – помню, тут – не помню. Он смутно помнил, что видел её в школе, но тогда ещё не знал её имени.

В начале лета позвонил школьный приятель Олега Валерка Чесноков:

– Здорово, Чип!

– Привет, Лер!

Чип – была школьная кличка Лукина. В школе никто из одноклассников не произносил его фамилию правильно, с ударением на втором слоге, вместо этого все нарочно делали ударение на первом слоге: ЛУкин. А потом по ассоциации с луком придумали ему кличку Чип-полино, сокращенно Чип.

К Валерке Чеснокову естественным образом привязалось прозвище Чеснок, и только Олег называл своего друга Лера. Обоих же приятелей весь класс именовал «репчатые».

– Слышь, Чип, мы всем классом собираемся двадцать пятого июня, придёшь?

– Мне в этот день надо быть в редакции, – замялся Лукин. – Но я постараюсь. А где и во сколько?

– В семь часов на хуторе.

– Где?

– Ну ресторан такой украинский «На хуторе», не знаешь?

– А, кажется, слышал.

– Это в центре. Я тебе информацию по электронной почте скину.

– Идёт. К семи, я думаю, успею.

– Лады!

Олег приехал в ресторан около 8 вечера. Все уже были в сборе.

– Всем привет! Извините, что задержался. В пробке застрял.

– Садись сюда, мы подвинемся, – сказали в один голос Таня и Лиза. Они подвинулись, и Олег сел. Справа от него, в торце стола, сидел Валерка, а слева – Лиза.

– Олег, ты что пьёшь? – спросил Валерка.

– Я не пью. Я же за рулём.

– Ну это ты зря. Я на тебя рассчитывал, – огорчился Валерка. – А я специально своего мерина сегодня дома оставил.

Лукин огляделся. Ресторан напоминал настоящую украинскую корчму. На стенах висели вышитые рушники и полотна с иллюстрациями к произведениям Гоголя.

Олег достал сигареты, закурил и стал рассматривать собравшихся. Последний раз они собирались вместе семь лет назад, праздновали десятилетие окончания школы, с тех пор многие изменились. Лиза Королькова, первая красавица в классе, сильно растолстела и мало чем напоминала ту тоненькую белокурую девочку, за которой бегали все ребята. Его приятно поразило то, что те девочки, которые в школе были похожи на серых мышек, расцвели и превратились в эффектных женщин. Как будто все они в школьный период были гусеницами, а потом зауклились и после, превратившись в чудесных бабочек, выпорхнули во взрослую жизнь. Метаморфозы, произошедшие с девчонками, были для Олега так же непостижимы, как и то, что мальчишки за семнадцать лет, прошедшие после окончания школы, изменились очень мало, только слегка заматерели, а некоторые отрастили бороды и усы.

Среди собравшихся за столом не было той, которую Олег хотел увидеть больше всего. Он почувствовал лёгкое разочарование.

– Слышь, Чипполино, а где твоя Вишенка? – негромко сказал Валерка, заметив рассеянный взгляд Олега. Лукин пожал плечами вместо ответа.

– Ира Вишневская теперь живёт в Америке, – сказала Лиза, услышав Валеркин вопрос и поняв, о ком идёт речь. – Мы с ней переписываемся по электронной почте.

– Ну, как она там? – спросила Таня.

– Пишет, что живёт хорошо. Она – врач. У неё муж и двое детей. Она просила передать всем привет.

Подошла официантка в белых сапожках и красном фартуке, на голове у нее был венок с лентами. Лукин заказал мясную солянку, вареники с картошкой и грибами и квас.

Она сидела напротив него. Короткие, медно-каштановые волосы, зелёные глаза, курносый нос. Где-то он её определённо видел. Он несколько раз с интересом взглянул на неё. Лицо её казалось ему знакомым, но кто она – Олег не мог вспомнить. Одно он знал точно: она была не из их класса. Она поймала его взгляд и улыбнулась:

– Олег, а ты меня не помнишь? Я – Полина Богданова. Мы учились в одной школе, только я была на год младше.

«Нет, не помню», – подумал Олег. Очевидно выражение лица у Олега было таким отсутствующим, что Таня Репина поспешила вмешаться в разговор:

– Полина – моя двоюродная сестра, – сказала Таня. – Она с нашим классом ходила в поход. Помнишь?

Олег понял, почему её знают все, кроме него: он в то лето целый месяц пролежал с ангиной и в поход со всем классом не ходил.

– Да, теперь вспомнил, – соврал он. – А ты мало изменилась.

– Ты тоже почти не изменился. Только стал выше ростом и волосы потемнели, – сказала она, смущённо улыбаясь.

На ней была лёгкая зелёная блузка с широкими рукавами. Олегу почему-то показалось, что в этом наряде она напоминает какую-то лесную нимфу, маленькую фею.

Было решено, что все по очереди расскажут о своих достижениях и переменах в жизни за последние семь лет, прошедших со дня их последней встречи. Оказалось, что достижения одноклассников варьировались мало: большинство собравшихся закончили институт, нашли относительно удачную работу, женились или вышли замуж, родили детей, кто-то даже защитил кандидатскую диссертацию. Несколько человек успели уже развестись, трое – жениться по второму разу, многие родили по второму ребёнку, а староста класса Надя Сидорчук родила близнецов.

Когда дошла очередь до Олега, он сообщил, что закончил иняз, разведён, имеет дочь-старшеклассницу и в настоящий момент работает переводчиком. Дошла очередь и до Полины.

– Закончила факультет журналистики, работаю в рекламном агентстве. У меня есть муж и сын, сыну шесть лет. А ещё... – она замялась, а потом неожиданно сказала:

– Я победила свой страх.

Все головы, как по команде, повернулись в её сторону. Лукин поднял глаза от своих вареников и с любопытством посмотрел на неё.

– Какой страх? Попрошу уточнить! – с напускной серьёзностью сказала Надя.

– Так, а вот с этого места, пожалуйста, поподробнее – ехидно вставил Валерка.

– Я всегда боялась кататься на коньках. В детстве когда-то пробовала кататься и неудачно упала, сильно разбилась. С тех пор боялась встать на лёд, хотя всегда об этом мечтала. А два года назад мой сын начал заниматься фигурным катанием в секции и по выходным стал просить: «Мам, покатайся со мной!». И я вдруг поняла: дальше откладывать нельзя. Решила освободиться от своего страха. Начала понемногу заниматься с тренером, потом стала кататься самостоятельно. Теперь мы с Сашкой вместе ходим на каток.

– Ого! После тридцати встать на лёд! Как ты только все ноги себе не переломала! – просто душно удивилась Лиза.

– Ну, первое время я, конечно, много падала. Вся была в синяках и ссадинах. Зато теперь я умею летать, – сказала Полина улыбаясь неожиданной, по-детски открытой улыбкой.

После ужина, за десертом, вспоминали тех, кто не смог в этот раз прийти на встречу, некоторые жили за границей, других просто не смогли разыскать. А Олег всё думал о том, что сказала Полина. Напоследок одноклассники обменялись электронными адресами и телефонами и пообещали друг другу «не пропадать». Около одиннадцати часов все засобирались домой.

– Полина, тебя подвезти? – спросил её Олег.

– Ой, да, спасибо, я сегодня без машины. Поехала на метро из-за пробок.

– Ты где живёшь?

– В Кунцево.

– О, да мы соседи!

– Правда? А я и не знала! – и она снова улыбнулась той наивно-открытой улыбкой, которую Олег никогда не встречал у людей, перешагнувших подростковый возраст.

Они сели в машину. Олегу нравилось ехать по Москве в это время суток: машин было мало и дорога была совершенно свободной. Краем глаза Олег заметил, что Полина наблюдает за ним. Он знал, что по тому, как человек водит машину, можно определить его характер. Олег обычно водил машину уверенно и спокойно. Не лихачил, зря не рисковал, не превышал скорость.

– Сейчас лучше перестроиться в правый ряд, – предупредила Полина, когда они ехали по Кутузовскому проспекту. – И после светофора – направо.

По тому, как Полина давала ему указания, Олег понял, что она часто ездит за рулём.

– А после вон того знака налево, – попросила она. – Приехали. Вот тут останови, пожалуйста. Это мой дом.

Перед тем как выйти из машины, Полина внимательно посмотрела на Олега.

– А знаешь, Олег, я когда-то была в тебя безумно влюблена. В школе, в восьмом классе... Ну, пока! Спасибо, что подвёз! – сказала она прежде, чем Лукин успел опомниться и что-либо ответить, и захлопнула дверцу машины.

Лукин смотрел через стекло машины, как она идёт к дому своей лёгкой пружинистой походкой. Её маленькая фигурка быстро удалялась от него в темноте, каблучки ритмично цокали по асфальту. Ему вдруг стало нестерпимо жаль, что она так быстро ушла. Хотелось догнать её, вернуть и долго-долго говорить с ней обо всём. Олег заметил, что, подходя к дому, Полина подняла голову и посмотрела на освещённое окно на пятом этаже. В окне мелькнула высокая фигура мужчины. «Муж», – подумал Олег. И неожиданно для самого себя ощутил легкий укол зависти к этому человеку.

5

Она открыла дверь своим ключом и вошла в квартиру. Игорь, как обычно, сидел в полумраке за компьютером. Полина видела его профиль, осененный голубым светом монитора.

– Сашка спит? – спросила Полина.

– Спит, – отозвался Игорь, не оборачиваясь. – Ну, как прошла встреча?

– Хорошо. Девчонки все очень изменились, а ребята – нет. Я Лизу Королькову сначала даже не узнала, она сильно поправилась. Помнишь Надю Сидорчук, мы с ней как-то столкнулись в гастрономе на Арбате? У нее уже трое детей, представляешь! Ира Вишневская уехала в Америку. У Миши Кузнецова теперь своя компания. А Женя Гавриленко книгу написал, недавно вышла! Мы с тобой его по телевизору видели, помнишь?

Игорь молча стучал по клавишам, и Полина поняла, что он не слышал ни слова из того, что она говорила. Полина вздохнула, прошла на кухню и поставила чайник. Потом вошла в комнату к сыну. Сашка спал, как всегда, на самом краю кровати, сбросив одеяло, свернувшись калачиком в положении, которое больше всего напоминало внутриутробное: подогнув ноги и прижав к груди руки. Рядом спал плюшевый мишка. Полина осторожно укрыла их обоих одеялом и отодвинула Сашку от края кровати. Она вернулась на кухню, налила себе чаю, села на табуретке и начала вспоминать.

6

Полина влюбилась в Олега Лукина в восьмом классе. Он был на год её старше. Они жили в одном дворе, но в разных домах, поэтому в школу ходили одной дорогой. Дом Олега стоял за домом Полины. Утром, собираясь в школу, Полина поглядывала в окно: не идёт ли Лукин. Она вставала на цыпочки, опиралась руками на широкий подоконник, чтобы увидеть под окном его макушку в тот момент, когда он будет проходить через её двор.

Полина знала: Лукин сначала пройдёт через сквер, находящийся за её домом, потом выйдет во двор, и тогда она увидит его в окно. Если она успеет выбежать из дома вовремя, то сможет его догнать, как только он завернёт направо за угол и выйдет на улицу.

Полина выбегала из дома, как только голова Лукина показывалась под её окном. Она добежала до угла, за который только что завернул Лукин, останавливалась, чтобы перевести дыхание и медленно шла за ним следом, как будто только что не спеша вышла из дома.

Из школы они тоже шли вместе: Лукин неторопливо шел впереди, Полина, крадучись, немного отстав, позади него, похожая на кошку, отслеживающую свою добычу. Полина выучила его расписание и знала, когда в какой день недели у него заканчиваются уроки. Она нарочно подольше задерживалась в раздевалке, чтобы проследить, когда он выйдет из школы. Уловив момент, Полина быстро попрощалась с подругами и выходила за ним следом в полной уверенности, что он ничего не замечает. Они никогда не здоровались, не разговаривали и, случайно встретившись, не смотрели друг другу в глаза.

Только однажды они неожиданно столкнулись лицом к лицу. Произошло это утром по дороге в школу. Полина второпях натягивала школьный фартук, глядя в окно, а Лукина всё не было.

– Поля, ты всё собираешься? В школу опоздаешь! – услышала она бабушкин голос.

– Иду, ба, иду! – крикнула Полина, не отрывая глаз от окна.

Вот он! Сегодня он шел по двору быстрее обычного, потому что опаздывал сам. «Успею ли добежать?» – подумала Полина, схватила портфель и куртку и, на ходу поцеловав бабушку, сбежала по лестнице и выбежала во двор. Во дворе его уже не было. Полина знала: он уже повернул направо за угол и шагает по улице. Она добежала до угла, но внезапно столкнулась лицом к лицу с Лукиным, который, очевидно, что-то забыл и решил вернуться домой. Секунду они смотрели друг на друга: покрасневшая и запыхавшаяся Полина с расширенными глазами и удивлённый Лукин. Он недоумённо усмехнулся, обошёл Полину справа и пошел по направлению к дому. А Полина так и осталась стоять глядя прямо перед собой с колотящимся сердцем, сжимая ручку портфеля в потной руке. Только через несколько минут она пришла в себя и продолжила свой путь. В школу она в тот день опоздала.

7

Когда Олег приехал домой, было уже далеко за полночь. Спать не хотелось. Олег налил себе в бокал виски и включил телевизор. На экране извивалась и старательно крутила задом какая-то полуголая девица, похожая на овцу, очевидно считая своё бляение пением.

У Олега зазвонил мобильный телефон, высветился номер Оксаны. Олегу совсем не хотелось с ней разговаривать, но он знал, что она не отстанет и будет звонить через каждые пять минут, поэтому взял трубку:

– Алло!

– Ну ты где? Я тебе звоню-звоню, а ты целый день вне зоны доступа! Как сквозь землю провалился! Я прям не знала, что и думать! – затараторила Оксана.

– Да у меня телефон разрядился, – привычно соврал Олег.

– А где ты был?

– На встрече выпускников. Только что приехал домой.

– Понятно, – очевидно это объяснение показалось Оксане вполне убедительным. – Я чего звоню-то, у меня предки уматают в выходные на дачу. Приезжай ко мне!

– Я бы с удовольствием, но в эти выходные у меня не получится. Понимаешь, Ксюш, мы с Валеркой на рыбалку собирались. Я ему уже давно обещал, – на ходу придумал Олег.

– А если дождь будет? – с надеждой спросила Оксана.

– Ну, если дождь будет, то я тебе позвоню.

– Ладно. Спокойной ночи! – недовольно сказала Оксана и повесила трубку.

Олег выключил телевизор, плеснул себе ещё виски и начал вспоминать.

8

Она сидела на третьей парте в первом ряду. Олегу с его места в середине второго ряда хорошо был виден её чётко очерченный профиль и мочка её уха. Ира носила модную тогда причёску «сэссон»: её гладкие темные волосы обрамляли матово-бледное лицо наподобие шлема, как у Мирей Матье.

Иногда она, задумавшись, поворачивала голову в его сторону, и от взгляда её больших тёмно-вишнёвых глаз у Олега перехватывало дыхание и что-то замирало внутри. Тогда он поспешно отворачивался и с преувеличенным вниманием смотрел вперёд, делая вид, что пытается прочесть что-то на доске, краем глаза продолжая наблюдать за ней.

Ирочка Вишневецкая или Вишенка, как её называли в классе, была круглой отличницей и любимицей почти всех учителей в школе. Особенно её хвалила математичка Инна Викторовна – за умение логически мыслить.

Однажды Олег наконец осмелился проводить её домой.

– Можно я тебя провожу? – набравшись храбрости, спросил он, выходя вслед за ней из школы.

– Пожалуйста, – пожала она плечами. При этом её пухлые губы приняли капризное выражение.

– Давай я понесу твой портфель, – предложил Олег.

– Ну, если хочешь, – с демонстративным безразличием ответила она, протягивая ему портфель.

Долгое время они шли молча. Наконец Олег решился заговорить.

– А тебе нравится современная музыка? – с напускной непринужденностью спросил он.

– Смотря какая...

– Ну, например «АББА» и «Бони М»?

– Да, очень нравится.

– Мне тоже.

– Вообще-то я больше всего люблю «Битлз», – сказала Ирочка.

– Клёвый ансамбль! Жалко, что они распались.

– Да, жалко. А кто тебе из битлов больше всех нравится? – спросила она.

– Пол Маккартни. А тебе?

– Джон Леннон. А какая твоя любимая песня «Битлз»?

– Называется «Yesterday». Я много раз пыталась понять, о чем в ней поется, но так и не смогла разобрать слова, – сказала Ирочка.

– Эта песня у меня на кассете записана. Хочешь, я тебе слова перепишу?

– Хочу. А ты сможешь?

– Конечно смогу! – обрадовался Олег, который пятый год подряд занимался английским языком с частным преподавателем.

Они уже почти подошли к её дому, а Олег до сих пор не задал ей самый главный вопрос. Он с ужасом представил, что она сейчас войдет в подъезд, а он так ничего у нее и не спросит. Олег собрался с духом и выпалил:

– Может сходим как-нибудь в кино?

– Может быть, – нарочито равнодушно ответила она.

– Можно я запишу твой телефон? – спросил Лукин, с трудом скрывая своё ликование.

Ира продиктовала свой телефон, который Олег записал карандашом на обратной стороне тетради по химии.

– Ну, пока! – сказала она, взяла из его рук свой портфель и скрылась в подъезде.

Весь вечер Олег пытался переписать для Вишенки текст песни «Yesterday», но это оказалось делом не простым. Он сотни раз прокручивал пленку назад, пытаясь уловить несколько слов и записать их на листке бумаги, но слова сливались в одно целое и никак не поддавались вычленению. Олегу все-таки удалось записать большую часть песни до того, как злобредный и прожорливый магнитофон «Электроника» зажевал плёнку.

На следующее утро Олег вручил Ире листок с текстом и собственноручным художественным переводом песни «Yesterday». Эта была его первая переводческая работа.

* * *

Он искоса поглядывал на ее профиль, освещенный мерцающим светом киноэкрана. В темноте она казалась ему ещё красивее. Время от времени он наклонялся к ней, чтобы спросить, нравится ли ей вот эта актриса или как зовут вон того актера на экране. Наклоняясь, Олег слегка касался щекой ее пышной прически, глубоко вдыхая легкий запах ее свежeweымытых волос и чистой кожи, напоминающий смесь ароматов зеленого яблока и мёда. Этот запах горячей волной разливался у него по всему телу, затуманивал голову и наполнял его всего сумасшедшим желанием прикоснуться к ней. Олег тупо смотрел на экран, слушая как сердце глухо ухает у него в груди, не понимая ничего из того, что происходило в фильме. Мысли его путались, казалось, мозг его был не в состоянии воспринимать какую-либо информацию. Ему страшно хотелось взять её за руку, почувствовать тепло её кожи, нежность её пальцев.

Левая рука Олега лежала на его колене, правая рука Ирины покоилась на ее платье. Расстояние между их мизинцами едва ли превышало несколько сантиметров, но Олегу понадобилось собрать всю свою волю, чтобы их преодолеть. Он слегка сдвинул свою руку и как бы случайно коснулся ее руки кончиками пальцев. Её рука чуть вздрогнула, но осталась лежать на прежнем месте. Он видел, что Ира тайком наблюдает за ним из-под полуопущенных ресниц. Тогда он набрался смелости и накрыл её кисть всей своей пятернёй. Рука Ирины была гладкая и тёплая. У Олега перехватило дыхание. Никогда раньше в своей жизни он не испытывал такой остроты чувств.

Весь сеанс Олег так и просидел, держа ее за руку и боясь шевельнуться. Плечо его затекло от напряжения, рука занемела, но Олег не решался поменять позу, боясь, что Ира безвозвратно уберет свою руку.

9

Полина почти не спала ночью, потому что Игорь громко храпел. Она просила его повернуться на бок, после чего он ненадолго замолкал, но через какое-то время храп начинался снова. Полина взяла свою подушку и одеяло и легла в гостиной на диване, долго ворочалась и заснула только на рассвете. Через час её разбудил звонок будильника. Она проснулась разбитая, раздражённая, с головной болью. Выпила крепкий кофе и таблетку анальгина и с воспалёнными глазами и чугунной головой поехала на работу. Целый день она чувствовала себя, как зомби: занималась повседневными делами и разговаривала с коллегами, выполняя свою работу механически, потому что на полную стопроцентную самоотдачу у неё сегодня просто не было сил.

– Поль, ты сегодня какая-то загадочная, – заметил Вася Остроухов. – И глаза у тебя красные.

– Да я всю ночь не спала, – пожаловалась Полина.

– А... ну-ну... «Нам бы ночь простоять да день продержаться»... – двусмысленно ухмыльнулся Вася.

– Слушай, Мальчиш-Плохиш, я совсем не об этом. У меня муж всю ночь храпел и не давал мне спать, и с утра голова раскалывается.

– Ну, извини. Может тебе тогда лучше домой пойти?

– Не могу! У меня сегодня важная встреча с клиентом, который завтра улетает.

– Понятно. Ну тогда ты уж постарайся сегодня хотя бы не перенапрягаться, работай без фанатизма.

– Хорошо, – улыбнулась Полина. – Постараюсь без фанатизма.

Во второй половине дня Полину стало неудержимо клонить в сон. Она выпила две чашки крепкого черного кофе, но это не помогло. В четыре часа все сотрудники агентства собрались в конференц-зале за длинным столом на совещание. Полуэктов рассказывал о новых тенденциях в рекламном бизнесе и о перспективах развития их агентства. Полина с трудом улавливала смысл происходящего. Во время речи Полуэктова она несколько раз, чтобы взбодриться, наливала себе в стакан воды из графина, стоящего на столе. Полуэктов наблюдал за ней с осуждением, очевидно подозревая, что у неё похмельный синдром. Чем больше Полина неподвижно сидела на стуле, тщетно пытаясь вникнуть в то, о чем вещал Пётр Николаевич, тем труднее ей было бороться со сном. Она высоко поднимала брови, чтобы пошире открыть слипающиеся глаза, что придавало её лицу удивлённое выражение. Полуэктов несколько раз бросал на неё озадаченный взгляд, не понимая, что же в его речи её так удивляет. Полина украдкой посмотрела на часы: до конца совещания оставалось ещё минут тридцать. «Попробую продержаться эти полчаса, а потом потихоньку слиняю», – подумала Полина и мысленно мобилизовала все свои силы для борьбы со сном.

– А теперь посмотрим слайды! – сказал Полуэктов, погасил свет и включил слайд-проектор.

Это добило Полину окончательно. Какое-то время она ещё пыталась бороться с собой, заставляя себя смотреть на освещённый экран. «Я просто прикрою на секунду глаза, чтобы они немного отдохнули. Всё равно в темноте никто не увидит», – подумала она, закрыла глаза и моментально отключилась.

– Полина, а ты что об этом думаешь? – донёсся до неё сквозь сон голос Полуэктова.

Полина открыла глаза. В конференц-зале горел яркий свет, слайд-проектор был выключен, и все сотрудники смотрели на неё. Очевидно, они уже закончили смотреть слайды и начали обсуждение.

– Полина, – повторил Полуэктов, – мне бы хотелось услышать твоё мнение. Но я вижу, что ты не готова его высказать, – недовольно заметил он.

– Да, Пётр Николаевич, извините, я сегодня что-то не в форме... – замямлила Полина. Полуэктов строго посмотрел на неё.

– Все свободны, – громко объявил он.

Полина облегчённо вздохнула и направилась к выходу.

– А вот Полину я попрошу остаться! – услышала она за спиной его голос и обречённо вернулась на своё место.

– Полина, – обратился к ней Полуэктов, когда все сотрудники разошлись. – Ты мне что-то последнее время не нравишься.

– Почему? Я плохо работаю? – спросила она.

– Дело не в этом. Работаешь ты хорошо, но как-то без огонька. И выглядишь устало. Хотя ты недавно была в отпуске.

– Плохо сплю последнее время, Пётр Николаевич.

– Я задумал новый проект и для меня очень важно, чтобы его вела именно ты. Сегодня пятница. Ты, уж пожалуйста, как следует отдохни за выходные, выспись. А в понедельник обсудим.

– Хорошо, Пётр Николаевич.

– И можешь уйти сегодня пораньше.

– Спасибо.

– Но чтобы в понедельник была как огурчик!

– Это как? Зелёная и в пупырышек?

– Я имею в виду, свеженькая, как огурчик, а не маринованная, как сегодня!

– Постараюсь, – улыбнулась Полина.

Полуэктов Полину ценил, но спуску ей не давал.

10

– Нет, Поль, ты не понимаешь, – говорила Ленка, неспешно прохаживаясь с Полиной по школьному коридору на перемене. – Так ты ничего не добьёшься. Что толку, что ты ходишь всё время за ним по пятам? Да он тебя даже не замечает!

Лена Цыпкова была лучшей школьной подругой Полины. Они сидели за одной партой и с первого класса были почти неразлучны.

– Если хочешь, чтобы он тебя, наконец, заметил, надо привлечь его внимание, – продолжала наставлять Ленка.

– Да? А как?

– Надо его чем-то заинтересовать. Сделать что-то такое, чтобы он тебя заметил.

– Точно. И как я раньше не догадалась! А что, например? – воодушевилась Полина.

– Ну, есть много вариантов, – с серьёзным видом рассуждала подруга. – Можно, например, в него что-нибудь как бы случайно кинуть, ну там учебник, пенал или мешок со сменной обувью. Тогда он обязательно тебя заметит!

– Лен, ну ты скажешь тоже! А если я ему в голову попаду? Ты представляешь, что будет? Тамара Аркадьевна сразу моих родителей в школу вызовет!

– Н-да, риск, конечно есть. Тогда напиши ему записку. Он прочтёт её и сразу тобой заинтересуется.

– Нет, ты что! Подумает ещё, что я в него втюрилась по уши! Надо действовать как-то более ненавязчиво, завуалированно. Чтобы всё произошло как будто случайно, чтобы он ни о чём не догадался!

– Придумала! – вдруг просияла Ленка. – Давай я тебя на перемене толкну так, чтобы ты с ним столкнулась! Ты должна перед ним блеснуть, как звезда! Ну представь: узнаем, где у Лукина будет урок, и будем с тобой на этом этаже гулять на перемене по коридору. А когда Лукин мимо нас будет проходить, я тебя как толкну на него со всей силы, и ты полетишь прямо к нему в объятия! Вот тут-то он и обратит на тебя внимание! Но ты при этом, конечно же, должна быть неотразима, накрашена и чтобы волосы были уложены, духами пахнуть, ну и всё такое, ну ты знаешь, как тебе идёт...

– Ещё бы! Буду в своём лучшем виде!

– Так вот. Ты на него слегка завалишься, а он тебя осторожно поддержит, чтобы ты не упала. Ты скажешь: «Ой, извините, я нечаянно. Это подруга меня толкнула». А он как увидит, какая ты красивая, так сразу и скажет: «Ничего страшного. А как вас зовут, девушка?»

– Здорово! – восхитилась планом Полина. – Давай! Только толкай не сильно, а то я себе что-нибудь сломаю.

– Ладно. Мягкая посадка тебе будет обеспечена!

На следующий день Полина встала на час раньше, чтобы вымыть голову и уложить волосы феном. Волосы торчали во все стороны и никак не хотели слушаться. Через сорок минут ожесточенной борьбы с волосами победила Полина. Волосы перестали топорщиться, сдались и послушно улеглись в заданном направлении. Чтобы закрепить достигнутый результат, она обильно обрызгала голову лаком для волос и покрутила головой в разные стороны, чтобы проверить эффект. Волосы застыли и существовали отдельно от головы, не шевелясь ни при каком движении. Полина вздохнула с облегчением и принялась за ресницы. Нужно было успеть их накрасить, пока в комнату не вошла бабушка. Ура! Готово! Эх, если бы ещё можно было надеть не ненавистную школьную форму, а джинсы и свитер! Чтобы как-то оживить унылое коричневое форменное платье, Полина повязала на шею маленькую зелёную косыночку – салатный листик нежно обернул шею. Вот так. Хорошо! Полина удовлетворенно окинула себя взглядом в зеркале. Очень хотелось накрасить губы, но она понимала, что это было бы уже наглостью. В

школе Тамара Аркадьевна обязательно заметит и отправит в туалет умыться. Полина надушилась бабушкиными духами «Красная Москва» и в бодром настроении духа отправилась в школу исполнять задуманный план.

Полина помнила расписание Лукина наизусть. Второй урок у него – физика на третьем этаже, третий – химия на втором этаже. Значит, скорее всего, между вторым и третьим уроком Лукин спустится на второй этаж.

После второго урока Полина с Леной побросали свои портфели в классе и побежали на второй этаж. Взяв друг друга под руку они начали чинно прогуливаться взад и вперед по коридору второго этажа, дожидаясь Лукина.

– Слышь, Олег, мне один парень диск «Бони М» достал! – заговорщически сообщил Лукину Валерка Чесноков, спускаясь с ним вместе на второй этаж.

– Фигассе! – позавидовал Олег. – Дашь послушать?

Они шли вдвоём по коридору к кабинету химии, обсуждая популярную группу «Бони М», когда на Лукина вдруг с размаху налетела какая-то девчонка. Олег отшатнулся в сторону и едва устоял на ногах. Девчонка шлёпнулась на пол. Опешивший Олег дико смотрел в её сторону.

– Ты чё, совсем ку-ку! – крикнул ей Лукин, потирая ушибленное плечо.

– Большая какая-то, – покрутил пальцем у виска Валерка. – Пошли, Олег, не обращай внимания!

И они зашагали дальше.

– Извините, я нечаянно, это подру... – начала было Полина, но Лукин был уже далеко.

– Поль, ты сильно ударилась? – виновато спросила Лена, поднимая подружку с полу.

– Да уж, блеснула! Как падающая звезда, – сказала Полина, отряхивая юбку и поправляя салатовую косыночку.

– Н-да... мягкой посадки не получилось. Ты уж извини.

11

У Полины были две близкие подруги. С Леной Цыпковой она вместе училась в школе, с Марьяной Золотовой – в университете. Много лет назад Марьяна нашла работу в крупной международной компании, занимающейся производством и продажей косметики, и помогла устроиться на работу в эту компанию Полине. Через год Полина устроила на работу в ту же компанию свою бывшую одноклассницу Лену Цыпкову. С тех пор все три были близкими подругами. Года через два Лена перешла в другую компанию на более высокооплачиваемую работу, где до сих пор успешно работала в должности бухгалтера. Полина и Марьяна остались работать в косметической фирме, но после того как в компании прошло крупное сокращение, вынуждены были искать новую работу. Первой работу нашла Полина. Она устроилась менеджером по промоакциям в рекламное агентство «Паруса» и вскоре привела туда Марьяну. Подруги шутили, что теперь для полной комплектности им не хватает Лены.

Всех своих подруг Полина классифицировала по степени их «кошачести». В любой женщине, считала Полина, есть что-то от кошки. Но процент кошачести в каждой женщине разный: в одних женщинах – больше кошки, в других – больше человека. Процент кошачести не стоит путать с процентом содержания женских гормонов в организме, женственность – это всего лишь одна из составляющих кошачести. Женщина с высоким процентом кошачести обычно обладает безупречным вкусом, точно знает, что ей идёт, а что – нет, и умеет одеться эффектно и с изысканной небрежностью, так, чтобы подчеркнуть свои достоинства и скрыть недостатки. Любой наряд на ней будет смотреться органично и естественно. Женщина-кошка умело пользуется косметикой, её волосы и макияж всегда выглядят натурально, но за этой натуральностью стоят большие усилия. Она тратит массу времени и денег на поддержание своей красоты и молодости. В её ванной можно найти, как минимум, двадцать баночек и бутылочек, без которых она просто не мыслит своего существования, со всевозможными снадобьями для питания кожи лица, рук, ног, укладки волос, а также смягчения, увлажнения, очищения, омоложения, выведения, завивки, отбеливания, разглаживания, восстановления, отшелушивания, укрепления и тому подобных удобрений различных частей тела.

Она в совершенстве овладела искусством флирта и умением вести разговоры «обо всём и ни о чём», голос у нее мягкий и вкрадчивый. У неё много подруг и друзей, общаться с ней легко и приятно. В отношениях с мужчиной женщина-кошка умеет казаться «белой и пушистой» (именно «казаться», а не «быть»), она мастерски играет с ним в «кошки-мышки», предоставляя ему полную свободу действий, давая ему отбежать и напуская на себя равнодушный вид, она увлекает его в свои сети незаметно, её маневры неуловимы, у мужчины создаётся впечатление, что охотник он, а не она, он теряет бдительность и даже не замечает, как становится добычей цепких коготков в её мягких лапках. Женщина-кошка капризна, непредсказуема, подвержена смене настроений и требует, чтобы мужчина выполнял её прихоти. Зная сильные и слабые стороны мужчины, она умело им манипулирует. Для поддержания тонуса ей необходимо время от времени что-то менять в своей жизни: причёску, одежду, мужчин, работу. Её поступками руководит её безошибочная интуиция. Она обожает своих детей и, если им угрожает опасность, из кошки превращается в разъяренную тигрицу. Она любит свой дом и всячески его украшает. Женщина-кошка знает себе цену, но никогда ее не назовёт.

В Ленке кошачесть просто зашкаливала – она на девяносто процентов была кошкой. В Марьяне было больше «человечести», чем «кошачести», кошачесть в ней составляла только около тридцати процентов. Сама Полина была кошкой только наполовину. Ещё у Полины была подруга Надя, художник-иллюстратор. Кошачести в Наде едва ли набралось бы процентов десять, зато человечести – хоть отбавляй. Надежда была честным, открытым человеком и надежным другом. Кокетство было ей неведомо. Одевалась она просто и удобно, носила корот-

кую практичную стрижку (потому что ее не нужно было долго укладывать) и редко пользовалась косметикой. Такой тип женщин называется «Wash&Go» – «Помылась и пошла». Ей не везло с мужчинами, потому, что она либо не понимала, либо не принимала правил игры в «кошки-мышки».

12

Полина сидела перед своим компьютером, обдумывая план промоакций напитка «Грин-найс», когда в комнату зашла Марьяна Золотова. Марьяна работала менеджером в отделе по работе с клиентами, который сотрудники между собой называли в шутку «Отдел по борьбе с клиентами». Клиентов она называла «клеенты», как она сама, шутя, объясняла, от слова «клеить».

– Полин, пойдём кофе попьём, – предложила она.

– Хорошо, пойдём. Только подожди минутку, я уже почти закончила, – сказала Полина.

Марьяна присела на стул рядом с Полиной. Полина заметила, что Марьяна сегодня как-то особенно хорошо выглядит. На ней был деловой серо-голубой костюм, который красиво оттенял её большие серые глаза. Прямые тёмные волосы Марьяны, которые обычно были забраны в длинный, мотающийся из стороны в сторону при ходьбе хвост, сегодня были свободно раскинуты по плечам, выгодно смягчая контуры её скуластого лица. Два года назад Марьяна села на диету и с тех пор с неё не слезала. Она сбросила двадцать килограмм и заметно постройнела и похорошела. Золотова была человеком сильным и целеустремленным и всегда добивалась поставленных перед собой целей. Она напоминала Полине танк, замаскированный листиками и цветочками, под которыми скрывалась пуленепробиваемая броня и «гусеницы». Полина завидовала упорству и выдержке Марьяны и называла её «стойкий оловянный солдатик». Марьяна была материалисткой. Её церковью был фитнес-клуб «Афродита», её Библией был журнал «Космополитэн».

Дверь была полуоткрыта, и в комнату вошёл Вася.

– Хенде хох!² – дурацким голосом неожиданно крикнул он.

Марьяна, сидевшая спиной к двери, громко вскрикнула и обернулась.

– Ой, ты чего? – удивлённо сказал Вася. – Неужели я тебя и вправду напугал?

– Ещё бы! Разве можно так шутить?! – проворчала Марьяна.

– Извини.

– Вам хорошо, – завистливо сказала Марьяна, обращаясь к ним обоим. – Вы тут в окопах отсиживаетесь, а я вот постоянно нахожусь в тылу врага. Нервы уже на пределе.

– Какого врага? – не понял Вася.

– Этот Фарш меня уже просто через мясорубку пропустил!

– Кто? – прыснули со смеху Вася с Полиной.

– Чего вы ржётё?! Фарш – это мой клиент, немец, Генрих Фарш. Фамилия у него такая. Он меня просто достал! Уже раз пять заставлял меня контракт переписывать, вносил какие-то дополнения, изменения, но до сих пор ещё ничего не подписал! Я к нему в офис теперь езжу почти каждый день, как на работу! Только что опять мне звонил, просил опять заехать к нему в офис и обсудить ещё какие-то детали, но сегодня я уже не успею. Как говорила Скарлетт О'Хара, «подумаю об этом завтра!».

– Никогда не откладывай на завтра то, что можно сделать послезавтра! – поддержала её Полина.

– «Morgen, morgen nur nicht heute sagen alle faulen Leute»³, – задумчиво сказала Марьяна.

– Чего, чего? – не поняла Полина.

– Это немецкая пословица. «Завтра, завтра, не сегодня – так говорят все лентяи». Я теперь немецкий язык учу, чтобы с Фаршем было легче общаться.

– Молодец, Марьянчик! Горжусь тобой! – похвалила Полина.

² Hande hoch! – руки вверх!

³ Завтра, завтра, не сегодня – так говорят все лентяи (нем. пословица).

– А я вам тут кое-что принёс, – загадочно сообщил Вася. – Сегодня у Тамары Дюжиной день рождения, она по этому поводу всех конфетами угощает. Я для вас несколько штук утащил. Хотите? – и Вася положил на Полинин стол несколько шоколадных конфет «ассорти» на бумажной салфетке.

– Ой, спасибочки! Васенька, какой ты милый! – обрадовалась Полина.

– Нет уж! Спасибо! – возмутилась Марьяна. – Ладно, мне пора идти. Кофе потом попьём. Марьяна скрылась за дверью.

– Чего это с ней? – удивился Вася.

– Худеет она, – объяснила Полина. – А ты ей конфеты предлагаешь.

– А... ну-ну. Вот и хорошо, нам больше достанется! – обрадовался Вася.

13

Два года назад Марьяна Золотова развелась с мужем. Это произошло так внезапно, как если бы летом вдруг выпал снег. Марьяна и её муж Влад Рокотов учились вместе в университете, поженились после окончания учёбы и прожили вместе четыре года.

В тот день у Марьяны был день рождения, Влад подарил ей утром букет жёлтых роз. Марьяне показалось это странным. Она не могла поверить, что Влад забыл, что она ненавидит жёлтые цветы. С тех пор как Марьяна прочла «Мастера и Маргариту» Булгакова, желтые цветы вызывали у нее неприятное чувство. «Она несла в руках отвратительные, тревожные желтые цветы», – вспомнила она слова Булгакова. «Мдааа... Нехороший цвет», – подумала тогда она.

Марьяна отмечала свой день рождения в кругу друзей. Гости сидели за столом, ели приготовленные Марьяной салаты и лазанью, пили вино, произносили тосты, шутили, разговаривали, смеялись, и только Влад не участвовал в общем празднестве. Марьяна незаметно наблюдала за мужем. Влад сидел, отстраненно глядя куда-то в пространство, лицо его казалось каким-то отсутствующим, было очевидно, что мысли его находились где-то далеко. Полина, сидевшая за столом рядом с Марьяной, тоже это заметила, но не стала Марьяне ничего говорить, не хотела портить подруге настроение в её день рождения. Неожиданно у Влада в кармане зазвонил мобильный телефон. Он встал и вышел, чтобы ответить на звонок. Марьяна почувствовала себя беспокойно. «С кем он разговаривает? Почему весь вечер молчит? О чем он думает?» – пыталась понять Марьяна.

Около одиннадцати часов гости разошлись. Марьяна убирала посуду со стола. Влад сидел за столом и молча ел из миски салат из крабов, сосредоточенно глядя прямо перед собой. Последнее время Марьяна замечала, что с Владом что-то происходит, но как-то не придавала этому значения. Он стал задумчивым, мало говорил с ней, поздно возвращался домой, в его взгляде появилось отчуждение. «Наверное, просто устал», – успокаивала себя она. И тут её поразила ужасная догадка.

– Ты что, меня разлюбил? – спросила она.

Он поднял голову от миски с салатом и спокойно сказал:

– Да, разлюбил.

– Совсем? – не поверила она.

– Совсем. Я люблю другую женщину и собираюсь на ней жениться.

– Да?! – опешила Марьяна. – Но для этого нужно сначала развестись.

– Да. И чем скорее, тем лучше. Я давно хотел тебе предложить развестись, но всё как-то не решался.

– Вот как? И что же тебя вдруг заставило решиться?

– Она беременна.

– Как? Ты же говорил мне, что не хочешь иметь детей?!

– С тобой не хотел. А с ней хочу.

Марьяна всё ещё не могла поверить в реальность происходящего. Она как бы наблюдала за собой со стороны.

– Это почему же ты со мной не хотел, а с ней хочешь? – спросила она.

– Потому, что мне с ней легко.

– А со мной что, было тяжело?

– У тебя трудный характер.

– Это почему же?

– Да потому, что ты слишком категорична, у тебя обо всем своё мнение. Ты всегда со мной спорила, а она со мной во всем соглашается. Мы с ней – одно целое. Она думает так же, как и я, и у неё нет потребности настаивать на своём, – Влада словно прорвало.

– То есть, ты хочешь сказать, что у неё нет своего мнения? В таком случае, она просто безмозглая дура!

– Неправда. Просто она считает, что мужчина – хозяин в доме, а тебе дома было необходимо равноправие.

– Даже если жена в два раза больше его зарабатывает?!

– А вот она считает, что зарабатывать деньги должен мужчина, а женщина – заниматься хозяйством. «Вынеси ведро! Помой посуду! Пропылесось ковёр!» – такого я от неё не слышу!

Марьяна слушала его, и глаза её постепенно темнели и расширялись, а кулаки сжимались. Она схватила чашку, стоявшую на столе, и запустила ею в мужа, но промахнулась. Чашка угодила в стену и разлетелась вдребезги.

– Ах ты, дрянь! – закричала она. – Значит тебе нужна не жена, а прислуга!

– Ты – дура! И ничего не понимаешь! – заорал не неё Влад. – Жена должна подчиняться мужу, а не наоборот!

– Да ты, оказывается, домостроевец! – Марьяна кинула в него тарелку, но он снова увернулся. – Тебе в девятнадцатом веке надо было родиться!

– А тебе надо было родиться мужиком! Да ты и есть мужик!

– Да?! А что же ты на мне тогда женился?

– Дурак был. Молодой и глупый.

– А теперь что, поумнел?

– А теперь я опыт приобрёл. Есть с чем сравнить. Женщина должна заниматься мужем, а не карьерой! У настоящей женщины на первом месте всегда муж, а у тебя работа.

– Неужели?! Лично я занимаюсь тем, что мне интересно. Я этого десять лет добивалась! А зачем я тогда заканчивала университет? Чтобы гладить твои рубашки?

– Да ты мне за всю нашу совместную жизнь ни одной рубашки не погладила!

– И не собираюсь! А с какой стати я должна это делать? Я что, бесплатный обслуживающий персонал? У нас самообслуживание! Ты же не гладишь мои юбки!

– А вот она так не считает! Она говорит, что ухаживать за мужем – это обязанность женщины.

– Вот пусть она тебя и обслуживает! Нашёл себе прислугу, вот и убирайся к ней!

– Вот завтра и уеду!

– Завтра? Нет уж! Давай сегодня! – Марьяна была в бешенстве.

– Сегодня уже поздно!

– А ну-ка, уматывай отсюда! Ни минуты с тобой в одной квартире больше не останусь.

– Ну и пожалуйста!

Влад быстро покидал в спортивную сумку какие-то вещи.

«Остальное заберу потом!» – кинул он на ходу и ушел, хлопнув дверью.

Несколько минут Марьяна была в каком-то странном оцепенении, пытаясь осознать произошедшее. Ей было жаль, что Влад ушёл так быстро, и она не успела выместить на нём всю свою ярость. Не на кого было кричать, не в кого бросать тарелки. Она оказалась в полном вакууме. Так пусто на душе у нее не было никогда. Марьяна села на стул в прихожей и заплакала. Чтобы как-то успокоиться, попробовала смотреть телевизор, но мозг отказывался воспринимать информацию. Всхлипывая, Марьяна позвонила Полине, которая как раз только что вернулась от нее домой.

– Приезжай! – сказала Полина.

Марьяна поймала такси и через сорок минут уже сидела у Полины на кухне, пила коньяк и, размазывая по лицу слёзы, рассказывала о том, что произошло.

– «Она считает...», «она сказала...», – передразнивала она Влада. – Ему нужна прислуга и безмозглая кукла для постели. А я ему не нужна!

– Слава богу, что ты от него избавилась, пока у вас не было детей. Бог миловал! Радоваться надо, а ты плачешь!

– Вот сволочь!

– Не переживай, Марьянчик! Прорвёмся! «Броня крепка, и танки наши быстры!».

На кухню заглянул Игорь. Молча оценил обстановку, покачал головой и ушёл спать. Полина постелила Марьяне на диване в гостиной, дала ей свою пижаму и уложила спать. Марьяна быстро заснула, а Полина ещё долго ворочалась в своей постели и слышала, как Марьяна всхлипывает во сне.

После развода Марьяна была как в тумане. Утром вставала, ехала на работу, целый день работала, как автомат, вечером приходила в пустую квартиру, ложилась на диван и ничего не хотела: ни говорить с кем-то, ни идти куда-то. Единственное, чего она хотела – это не быть. Нет, она не хотела умереть, она хотела просто перестать существовать, чтобы прекратить эту нескончаемую, ноющую, изматывающую душевную боль.

По выходным она целыми днями лежала на диване, тупо уставившись в одну точку. Время от времени звонил телефон. Марьяна отвечала только на звонки самых близких. Иногда звонил Влад, очевидно хотел забрать ещё какие-то вещи. Его номер высвечивался на экране ее мобильного телефона. Она не хотела его видеть. Она старалась забыть о нём, забыть о том, что он когда-либо вообще существовал в её жизни. Но забыть не получалось, и она отключала телефон, и отворачивалась к стене, и накрывалась пледом с головой, пытаясь заснуть, чтобы не думать, хоть какое-то время не думать о нём.

Несколько раз к ней приезжали Лена с Полиной, но ни развеселить, ни расшевелить подружку им не удавалось. Марьяна потеряла вкус к жизни, её ничто не интересовало.

Однажды, когда Марьяна ехала с работы домой, около метро её заловил уличный продавец не то средства для похудения, не то таймшера, не то мыльных пузырей.

– Разрешите задать вам несколько вопросов, – обратился он к ней, держа в руках блокнот.

– Ну, хорошо, давайте, только быстро, – согласилась она не столько из любопытства, сколько из вежливости. Незнакомец был гладко выбрит, на нём был надет костюм с галстуком, и весь его вид как бы обязывал собеседника культурно себя вести.

– Сколько вам лет? – спросил он, лучезарно улыбаясь.

Марьяна ненавидела этот вопрос. Её возраст был для неё болезненным напоминанием о том, что её биологические часы тикают, а жизнь проходит.

– Без комментариев, – сказала она. – Дальше.

– Вы замужем?

Марьяна только что развелась, и любое напоминание об этом бредило её свежую рану.

– Проехали, – буркнула она, помрачнев. – Дальше.

– Как вы проводите свободное время? – с приторной улыбкой продолжал торговец.

После развода Марьяна проводила своё свободное время лёжа на диване лицом к стене. Но признаваться в этом незнакомцу не хотелось.

– Никак. Дальше?

С каждым вопросом настроение у Марьяны ухудшалось.

– Вы довольны своим доходом? – не унимался продавец.

Марьяна подумала о том, что если бы она была довольна своим доходом, то не толкалась бы каждый день в переполненном метро, а могла бы позволить себе ездить на такси.

– Вы что, таймшер продаёте, что ли? – наконец догадалась она.

– А вас это интересует? – вкрадчиво спросил продавец.

– Нет, не интересует! – отрезала Марьяна, пытаясь от него отвязаться.

– А что вы об этом знаете? – продолжал заманивать её в сети торговец.

– Так. Всё. Хватит! До свидания! – потеряв терпение, сказала Марьяна и сбежала от него прежде, чем он успел добить её окончательно.

Торговец смотрел ей вслед, искренне не понимая, что же вызвало у Марьяны такое негодование. «А он молодец, – профессионально подумала она. – Неплохо подкован. Мастерски владеет искусством запудривания мозгов!».

В ту зиму Полина, наконец преодолев свой страх, начала кататься на коньках. Прошло три месяца с тех пор, как она первый раз встала на лёд, и теперь она уже могла плавно скользить по льду вперёд и назад и даже начала осваивать со своим тренером подсечку и вращение. Как-то в конце января ей пришла в голову идея позвать с собой на каток Марьяну. Полина позвонила ей в воскресенье.

– Марьянчик, как дела?

– Никак.

– Чем занимаешься?

– Смотрю телевизор.

– А мы тут с Сашкой на каток собрались. Хочешь с нами пойти?

– На каток? Да нет, я сто лет на коньках не стояла, – в голосе Марьяны не слышно было ни малейшего интереса.

– Ну и что? А я вообще первый раз на лёд встала три месяца назад! Пойдем, а? – пыталась расшевелить её Полина.

– Ну что я там буду делать? Я же буду смотреться, как корова на льду, – сказала Марьяна, но Полина почувствовала в её голосе скрытое любопытство.

– Ерунда! Я вообще всё время падаю. И ничего! – соврала Полина, лихорадочно пытаюсь сообразить, чем же она может соблазнить подругу. – Кстати, там рядом есть небольшое кафе. Можем потом там посидеть, там очень вкусный кофе с шоколадом и пирожные!

– У меня всё равно нет коньков.

– Это ничего, коньки там можно взять напрокат!

– Ну не знаю... – протянула Марьяна, и голос её звучал уже теплее.

– Составь мне компанию, а то мне без тебя будет скучно! – привела Полина самый веский аргумент.

– Ну ладно. Попробую, – наконец нехотя согласилась Марьяна. – Хотя не знаю, получится у меня или нет.

– Ура! Встречаемся в два часа у входа!

На катке было полно народу, движение катающихся на льду было организовано по часовой стрелке. Полина надела коньки и зашнуровала ботинки себе и Сашке. Марьяна долго возилась со своими шнурками и, наконец, тоже встала на коньки. Она вспомнила, что со школы не стояла на льду и что в последний раз каталась на коньках, когда ей было лет пятнадцать. Первые её шаги на льду в тридцать три года были неуверенными и осторожными, она держала Полину за руку, боясь отпустить. Сашка катался лучше их обеих, ловко перебирая ногами и гордо глядя по сторонам в ожидании восхищённой реакции окружающих. Минут через пятнадцать Марьяна освоилась на льду, отпустила руку Полины и попробовала передвигаться по льду самостоятельно. Оказалось, что она еще не забыла, как отталкиваться одной ногой и переносить вес на другую. Марьяна выпрямила спину, развела в стороны руки и попыталась скользить на каждой ноге как можно дольше. Это получилось у неё не сразу, пару раз она упала, но сразу же поднялась и продолжила движение вперёд. «Раз... два... раз... два», – медленно считала она про себя. С непривычки у неё очень болели ноги, и не потому, что ей жали ботинки, а потому, что мышцы ног не привыкли к подобным нагрузкам. Несколько раз она садилась на лавочку, чтобы дать ногам отдых, но вскоре снова вставала и шла на лёд. Постепенно ноги привыкли к конькам и она начала скользить вперед увереннее, по всем правилам отталкиваясь

внутренним ребром конька и перенося центр тяжести на другую ногу, как её учили когда-то в детстве в секции по фигурному катанию. По мере продвижения вперёд Марьяна с восторгом замечала, что душевная боль постепенно отпускает её. Как будто физическое движение вытесняло тоску из её тела и приносило долгожданное освобождение от душевных страданий. Марьяна с наслаждением продолжала двигаться, ощущая гибкость своего тела и небывалую свободу от боли, от Влада, от всего, что её так мучило в последнее время. Ей казалось, ещё немного и она взлетит. «Свободна! Невидима и свободна!» – как булгаковская Маргарита, повторяла про себя Марьяна.

– Ну как? Устала? Хочешь пойти домой? – через полчаса спросила её Полина, заметив, что Марьяна, обессилив, припала к борту катка.

– Русские не сдаются! – ответила Марьяна, устало улыбаясь. Это была её первая улыбка за последние два месяца.

– Может, на первый раз хватит? – спросила Полина, боясь, что Марьяна переусердствует и на следующий день будет хромать от перенапряжения нетренированных мышц.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.